

Barrare le due lingue prescelte

Francese []	Russo []	Inglese []	Spagnolo []	Tedesco []
-----------------	--------------	----------------	-----------------	----------------

Scuola di Lingue e Letterature, Traduzione e Interpretazione – Università di Bologna – Sede di Forlì
Prova di verifica dell'adeguatezza della preparazione
Laurea Magistrale in Traduzione Specializzata
9 settembre 2014

Parte I – Durata 120 minuti complessivi
*Tradurre verso l'italiano i testi delle due lingue prescelte,
immaginando una pubblicazione analoga in un contesto italiano.*

Francese

Le bien-être, une question de mesure

La croissance économique fait-elle le bonheur? L'idée, presque indiscutable voici un demi-siècle, est aujourd'hui radicalement mise en question. Les économistes eux-mêmes se sont interrogés sur la légitimité de la réduction du bonheur – individuel et collectif – au bien-être matériel.

L'un des principaux résultats de l'économie du bonheur (qui va chercher des appuis dans les travaux de psychologie, voire de neurosciences) est d'avoir relativisé la corrélation entre richesse et bonheur qui, sans évidemment être nulle, est cependant loin d'être mécanique. Des avancées qui, jointes aux réflexions critiques plus récentes sur les limites de la croissance économique, ont débouché sur une mise en question de la pertinence du produit intérieur brut comme indicateur de progrès social.

L'une des leçons des travaux d'économie du bonheur n'en reste pas moins sa forte dimension relative et relationnelle : on est heureux en se comparant aux autres et en les fréquentant. Ainsi, ce n'est pas tant le montant absolu de notre revenu qui joue que le fait d'en avoir autant ou plus que ceux auxquels nous nous référons (voisins, collègues, famille...). De la même manière, les épistémologistes Richard Wilkinson et Kate Pickett ont montré, en comparant des données sur les revenus, la santé et le bien-être, que « quels que soient les niveaux de revenus, on vit d'autant mieux que le pays est égalitaire ». Bref, pour le bonheur de chacun, rien ne vaut semble-t-il une société de semblables. C'est en tout cas vers une société moins compétitive et l'apaisement de notre soif d'accumulation qu'orientent les conclusions de l'économie du bonheur.

(da: X. Molénat, *Les grands dossiers des Sciences Humaines*, n. 35, juin-juillet-août 2014)

Russo

Русские дивы

Первая половина XX века была гимном красоте и вкусу русской женщины. Воспетая поэтами Серебряного века, начитанная и образованная, знакомая с правилами хорошего тона и владеющая иностранными языками, часто носительница звонкого аристократического титула – русская женщина той поры была настоящей вдохновительницей служителей муз. Не случайно, что такие гении XX века как Пикассо, Дали, Матисс выбрали именно русских себе в жены! Сильная и волевая, прошедшая сквозь жернова Первой мировой войны и ужасы Октябрьской революции – русская красавица в то время была вынуждена избирать чаще всего путь изгнанницы. дабы не быть уничтоженной вместе со всей семьей большевиками. Около десяти миллионов россиян всех сословий покинули нашу страну после 1917 года. И с этим огромным потоком беженцев во Францию приехали русские женщины-красавицы – жены, дочери и сестры тех, кому удалось получить долгожданную визу в начале 1920-х годов.

Среди беженок было немало актрис, певиц и балерин. Не только русский балет и опера, но и русское кабаре с участием русских звезд пользовались огромным успехом. Немое кино было благодатнейшей почвой для сублимации русской красоты – царица немого кино Вера Холодная проложила дорогу множеству других актрис, за нею последовавших. Послевоенной экзотикой стали и русские дома моды, которые открылись в Париже 1920-х годов. Все эти дома нуждались в манекенщицах для показов своих моделей. В каждом парижском доме моды работало по две-три русских девушки. Манекенщицам приходилось часто рассказывать своим клиентам о моделях, которые они показывали, на нескольких иностранных языках. Русские модели обладали прекрасным воспитанием, красотой, манерами и еще вдобавок громким титулом, сводившим с ума парижан.

Смеем надеяться, что портреты этих красавиц покорят и ваши сердца.

(da: A. Васильев, «Предисловие», *Русская красота в изгнании*, <http://archive.today/apWO>)

Inglese

Not a happy camper

I'm about to thrust my child into a four-week-long situation that I know, from experience, to be a total misery. Of course, I'm not going to tell her this. Introducing children to new and potentially life-altering experiences necessarily means trying to convince them that terrible things are just fine, even good.

Here is the truth: I hated camp. I hated camp so much, and continue to hate it and to resent the fact that I hated it, that I've come to develop a grand, if wobbly, theory about it. The world divides into those people who despised camp and those people who loved it. What about those who never even went? They would probably fall into either camp if they had.

People who like camp, naturally (that's a key word in this divide) are different from me in every way. Campers are outgoing; they are out-everything, really – outdoorsy, outward bound. They dart through bushes without worrying about ticks or slugs or sharp metal objects hidden in the undergrowth. They enjoy getting undressed in front of large groups of strangers. They know how to throw and catch Frisbees. They don't mind bologna.

"For me, camp was about becoming an American," said Priscilla Painton, an executive editor at Simon & Schuster, who grew up in France before moving to the United States. "There's no lesson like being the person who made your cabin fail the cleanliness check and having your cabin-mates say, 'You have to buck up.' At camp, you learn the values of shame, of community, of teamwork."

(da: P. Paul, *The New York Times*, 6 June 2014)

Spagnolo

La gloria

Si te apellidas simplemente García, tu pasaporte es colombiano, viajas en primera clase con ocho maletas y aterrizas en Los Ángeles sin más aditamentos que tu propio bigote, estás condenado a pasar a un cuartucho del aeropuerto para que un policía te ponga boca abajo y si nadie descubre que has escrito *Cien años de soledad* date por beneficiado si no te hacen un tacto rectal con todo lujo de detalles. No sería esa la única afrenta que sufriría aquel día Gabriel García Márquez. Recién llegado de Los Ángeles, adonde fue a tratarse el cáncer y lo tomaron por narcotraficante, esa misma noche durante la cena en la franquicia que Juan Mari Arzak tiene en Polanco de México, DF, el cocinero y el escritor estaban sentados a una mesa de tertulia con algunos amigos. García Márquez parecía venirse abajo al comprobar que nadie se acercaba a saludarlo y en cambio todos los elogios y abrazos eran para el cocinero cuando ante sus propias narices los clientes abandonaban el restaurante. "Juan Mari, me has hecho feliz con esos cogollitos *caramelados*", le dijo un comensal. Felices tiempos aquellos en que un escritor publicaba una novela de gran éxito y podía vivir tranquilamente porque nadie conocía su cara. Todos caminamos hacia el anonimato, solo que los mediocres llegan un poco antes, afirma Borges. En el futuro todos los ciudadanos del mundo serán famosos durante un cuarto de hora, dijo Warhol o al revés, dentro de un cuarto de hora toda la humanidad alcanzará la gloria, digo yo, pero en el combate creativo entre el estómago y la fabulación, un cocinero siempre vencerá al escritor. En efecto, ante mis propios ojos *Cien años de soledad* fueron derrotados por unos simples cogollos.

(da: M. Vicent, *El País*, 27 de abril de 2014)

Tedesco

Ölpolizei im Orbit

Neue Satelliten helfen dabei, Umweltsünder im Mittelmeer in flagranti zu erwischen

Zum schönen Strand von Agiofaraggo führt keine Straße, und am Ende des steinigen Fußwegs durch eine enge Schlucht wartet auch keine Taverne auf den Griechenlandurlauber. Dafür kann er an der einsamen Küste ein Gefühl wiederentdecken, das noch vor 25 Jahren auch an Nord- und Ostsee alltäglich war: Nach dem Strandspaziergang kleben Teerklümpchen unter dem Fuß und zwischen den Zehen. Agiofaraggo liegt an der Südküste Kretas, der Blick geht hinaus aufs Libysche Meer, eine Hauptroute des internationalen Tankerverkehrs – und ein Hotspot der Ölverschmutzung.

Olaf Trieschmann kann das täglich auf seinem Computerbildschirm sehen. Der deutsche Physiker leitet das CleanSeaNet der European Maritime Safety Agency (Emsa) in Lissabon. Mit sieben Kollegen sucht er auf Satellitenbildern der europäischen Meere nach Ölspuren. Eine Software markiert verdächtige Flecken, errechnet aus Strömungs- und Wetterdaten die Zeit und den Ort, an dem sie entstanden sein müssten, und sucht dann in der internationalen Schiffsbewegungs-Datenbank AIS (Automatic Identification System) nach möglichen Verursachern.

Meist sind das schlecht gewartete Schiffe oder Bohrplattformen, manchmal aber auch Kapitäne, die ihre dreckigen Tanks illegal mit Meerwasser ausspülen. Rund 2.000 derartige Fälle meldet das CleanSeaNet jedes Jahr an die Emsa-Mitgliedsstaaten, mehr als fünf pro Tag. "Öl breitet sich schnell auf der Wasseroberfläche aus", sagt Trieschmann, "schon zehn Liter sind dann als dunkler Fleck auf den Satellitenbildern zu erkennen". Allerdings gibt es auch andere Ursachen für dunkle Flecke: ein Algenteppich zum Beispiel, eine Sandbank oder eine Zone mit ungewöhnlich schwachem Wellengang.

(da: D. Asendorpf, www.zeit.de, 24/06/2014)